

МАРИЯ КОНУС

ПЕРВЫЙ ВОЕННЫЙ УЧЕБНЫЙ ГОД (1941–1942)

ГЛАВА ИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

К началу войны 105-я школа существовала уже более 40 лет. Она открылась в 1903 году в Бабурином переулке, в двухэтажном каменном здании, где раньше размещалось городское женское училище типа гимназии.

Занятия в этой школе в 1941 году начались после октябрьских праздников и не прекращались ни на один день во все тяжелые годы войны и блокады. Директор школы Валентина Федоровна Любова каждый год, по ее воспоминаниям, очень волновалась, встречая учеников: “...Хотелось, чтобы новички полюбили школу, чтобы все ребята настроились на целый год учения”. А 1 сентября 1941 года ученики 105-й школы увидели на дверях школы объявление “Школа не работает”: здание было временно занято под эвакуопункт.

К этому дню уже ушли на фронт старшекласники. Среди них были Юра Лерман, Коля Костин, Вова Михайлов, Юра Барабанов. Многие из старших ребят с учителями уехали рыть противотанковые рвы, другие стали почтальонами – доставляли на места оборонных работ почту и газеты, третьи работали в госпиталях.

У гитлеровцев была карта Ленинграда, где под номерами значились наиболее важные объекты уничтожения. Средняя школа № 105 в Бабурином переулке была обозначена как объект № 736, по нему стреляли осколочно-фугасными снарядами.

Вначале занимались все классы. Но зиму выдержали только старшекласники. Их было семнадцать человек, так называемых “зимовщиков”, они успешно окончили школу, а один из них, Юра Пунин, – отлично.

В ночь на первое января 1941 года выпускница Зоя Прусакова была ранена в обе ноги, пролежала в больнице три месяца, и как только встала на костыли, пришла в школу. Однокласники и учителя помогали ей в учебе. Зоя закончила десятилетку. Позже одна из учениц школы вспоминала: *“Никогда, ни до, ни после, я так не старалась учиться, как в этот страшный год. Я не пропустила ни одного дня, ни одного урока. Было время, когда в класс приходило не более двух-трех человек. Голодные, усаживались мы в нетопленном мрачном классе за парты. И, несмотря на частые разрывы снарядов, внимательно ловили каждое слово таких же голодных, измученных блокадой учителей. Дома при копилке усиленно выучивала заданное, и тетради вела так старательно и так выписывала каждую букву, что теперь смотрю и диву даюсь: я это писала, как я могла? Да, я писала, я могла! Я крепко верила, что этим помогаю Родине, фронту”*. Все ученики как-то по-особенному относились тогда к учебе, к любой общественной работе.

Работать приходилось много. Школьники убирали помещения, помогали двум старым нянюшкам – Александре Васильевне Богословской и Анисье Матвеевне Ананьевой. Ученики и учителя сами заготавливали дрова. Деревянный дом на соседней улице был отдан школе на топливо. Они разбирали его, возили бревна и доски на тачке во двор, пилили, кололи, а потом приносили дрова в помещение и топили печки-временки. Канализация не работала, для уборных рыли ямы во дворе. Кроме школы ученики старались чем могли помочь городу и фронту. Юра Пунин был донором в военном госпитале, Роза Гендина и Андрей Копылов работали там же санитарями, Лена Сорокина – воспитателем в детском доме.

Все старшекласники стали бойцами МПВО – местной противовоздушной обороны, дежурили на крыше во время вражеских налетов. В первый же блокадный год комсомольская организация выросла с пяти человек до тридцати пяти. У каждого из учеников было какое-нибудь общественное дело. Толя Бибилов был председателем учкома, Гена Черемушкин выпускал школьную газету и боевые листки, ему помогала Галя Кобелева; горячо брались за любое поручение восьмиклассница Наташа Беликова, семиклассники Гриша Баранов, Володя Потарейко. Старшекласники помогали друг другу, были добрыми друзьями для младших.

Зимой в десятый класс пришел Лева Фридман. Он был очень худ, еле держался на ногах. На переменах жадно читал, и ребята его прозвали “профессором”. Он говорил: “Читать – это значит жить”. И вот этот Лева умер. Такие же голодные и истощенные мальчики сделали для него гроб из школьной парты, за которой он сидел, одноклассники отвезли его на санках на кладбище.

Юра Ратман из девятого класса принес хлебную карточку своей любимой учительнице Александре Федоровне со словами: “Дома последний брат умер, теперь все, конец”. Она стала

убеждать мальчика в том, что надо жить, что долг каждого отомстить врагу за страдания. Вместе с ребятами она подняла Юру со ступенек лестницы, отвела в столовую, усадила за стол, попросила нянюшку подать ему горячего чаю, а сама пошла в магазин, выкупить ему хлеб.

В январе 1942 года В. Ф. Любова получила письмо следующего содержания от учительницы Марии Максимилиановны Толкачевой: *“Милая Валентина Федоровна, большое несчастье обрушилось на нас с сестрой. Мы потеряли хлебные карточки. Что делать, ведь впереди почти месяц, а мы и 125 граммов не будем иметь. Верная смерть... Сестра от истощения уже лежит, и я еле передвигаюсь... Простите, если в чем виновата... Искренне любящая вас М.Толкачева”*. Учителя собрались и решили отнести Толкачевой хлебную карточку, оставшуюся от умершего учителя и еще не сданную в исполком; составили акт отчета перед карточным бюро. Но сестры жили от школы далеко, транспорт не ходил, а люди были очень слабы. Вызвалась медсестра Вера Александровна Афанасьева, помощь предложила и ученица Тося Уткина (Журина), сказав, что бывала у Марии Максимилиановны. Вера Александровна обрадовалась предложению Тоси, так как, если что случится с одной из них, доберется другая. Дорога была трудной, но они дошли благополучно и вручили учительнице драгоценную карточку.

Еще один случай. Однажды кто-то постучался в кабинет директора. Вошли два брата, Вася и Коля, ученики первого и второго классов. *“Наш дом фашисты разбомбили. Мама погибла. Мы с Колькой остались”*. Мальчики не знали, что им делать. Любова предложила на время войны устроить их в детский дом, пока с фронта не вернется папа. Если что случится с папой, тогда она возьмет их к себе. Это было зимой, а весной Вася зашел к Валентине Федоровне. Здороваясь, он поставил на стол бутылку с розовой водой: *“Это клюквенный морс. Такая очередь за ним, давали тут, в ларьке. Немножко я сам отпил, а это вам, Валентина Федоровна, говорят, для здоровья хорошо, пейте”*!

Город был без света, без тепла и топлива. Враг обстреливал его днем и ночью. И все же в эту самую трудную зиму для детей устраивались новогодние праздники.

Ребят Выборгской стороны позвали на праздник в 105-ю школу. В зале была красиво убранная елочка. Затеяники приглашали ребят в хоровод. А они, голодные, с потухшими глазами, жались к теплой печке и к елке не шли, даже не глядели на нее. Они ждали обещанного обеда, а обед как назло откладывался, потому что одна за другой следуют воздушные тревоги и ребят приходится уводить в бомбоубежище. Когда наступил долгожданный момент, детям подали густой суп, густую пшеничную кашу и даже сладкий компот. Кроме всего этого, каждый получил новогодний подарок – пакет с сухарем, пряником и двумя мандаринами.

В начале весны в школу пришли ученики начальной школы. Некоторых из них учителя разыскивали и приводили в школу сами. В теплые дни ребят выпускали на большую перемену во двор школы. Однажды дежурная учительница Александра Федоровна Дворцова с радостью сообщила, что ребята во дворе дерутся. Это была действительно радость: дерутся мальчишки, значит, появилась сила, и они будут жить.

С учительницей биологии Марией Федоровной Киршиной ребята вскопали и засеяли весь школьный двор, стали растить свои овощи.

К осени 1943 года 105-я школа в Бабурином переулке была единственной женской десятилеткой в Выборгском районе. Была еще одна мужская десятилетка на углу проспекта Карла Маркса (ныне Большого Сампсониевского) и 1-го Муринского проспекта.

В сентябре 1943 года в 105-ю школу пришло несколько учениц из 2-й Парголово-ской школы, так как последний класс там был восьмой. Среди них были: Мария Комлякова, Елена Романова, Грация Игнатовна, Нина Семенова, Людмила Седякина, Вера Алексеева, Ирина Яковлева. Каждый день ездить из Парголово в школу было невозможно, так как ходило всего три поезда в сутки, и девочкам отвели комнатки в здании школы.

Кормежка в столовой была неважная, но, если еда оставалась, голодным давали добавку. В 1943 году школьникам дали карточки усиленного детского питания (УДП). Школьницы в шутку называли их “удавки”. По этим карточкам давали американский шоколад, какао, рис, плавленый сыр. Л.Ф.Седякина рассказывает: *“Все очень вкусное, особенно шоколад”*.

В 1944 году количество учащихся в школе увеличилось, так как вернулись в город эвакуированные, в основном это были дети, родители которых работали в Военно-медицинской академии. Поэтому выпуск в 1945 году был большой. В 10 “А” классе было 15 человек блокадников: М.Ладынина, Н.Семенова, В.Алексеева, Л.Седякина, В.Воронова, Т.Макарова,

И.Бабок, Т.Егорова, З.Земскова, Э.Бахмед, В.Вуколова, В.Брей-Дуле; в 10 “Б” классе были все из ранее эвакуированных.

В 1945 году все ожидали, что скоро кончится война. Л.Ф Седякина (Павлова) вспоминает, что на углу Бабурина переулка, где был продуктовый магазин с установленным на нем громкоговорителем, ребята слушали сводки о военных событиях; потом о том, что случилось, рассказывали в школе. У каждого кто-то был на фронте.

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА! ВОЗДУШНАЯ ТРЕВОГА!

В школе круглосуточно находился дежурный. В 8 часов утра ночного дежурного сменял ответственный дежурный. Ночью в здании школы также находился сторож. В начале дежурства и в конце его дежурные обходили здание школы.

Ни одного человека не пропускали в школу без проверки документов и разрешения ответственного дежурного. Дежурные посты были в столовой, во дворе и в раздевалке. Несмотря на то, что в школе не было жарко, ученики раздевались, в верхней одежде не сидели.

Несколько раз за время дежурства были звонки – проверка дежурного. Дежурный должен был заносить все главные события за время дежурства в журнал. Так, во время ночного дежурства Дворцовой и Плотниковой 2–3 мая 1943 года сделана следующая запись: *“Было две воздушные тревоги. Первая тревога началась в 0 ч. 15 мин. кончилась в 1 ч. 30 мин. Вторая началась в 7 ч. 15 мин, закончилась в 7 ч. 55 мин”*.

В школе проводилась светомаскировка.

Выборгский район часто обстреливали и все в одно и то же время. В начале осени 1943 года появился новый трамвай, до этого ходили пешком. Для жителей района это было большим событием. Но из-за обстрелов трамвайные остановки переносились: фашист пристрелялся и часто снаряды разрывались на остановках, где находились люди. Обстреливали госпиталь у Финляндского вокзала, заводы. Бывшая ученица 105-й школы Л.Ф.Седякина (Павлова) рассказывала, что однажды снаряд попал в трамвай № 9, полный народа.

День 18 октября 1943 года для школы был особенно памятным по своей трагичности. Первую половину дня, как обычно, занимались. Обед был перенесен на более ранний час, так как в обеденное время часто бывали обстрелы. Обед только что закончился и ребята еще не все разошлись по домам, как около пяти часов начался страшный обстрел. Первые два снаряда один за другим разорвались во дворе школы. В это время учителя и старшеклассники нагружали дрова в машину. Сначала ничего нельзя было разобрать. Все, казалось, захлебнулось в коричнево-кирпичном тумане. Когда пыль улеглась, ученики и учителя увидели ужасное. Раненый шофер был отброшен далеко в сторону, около него лежала навзничь убитая Надежда Владимировна Владимирова – библиотекарь школы, чуть подальше – Елизавета Алексеевна Николаева, учитель литературы. У входа в бомбоубежище полусидели, засыпанные пылью, три погибшие девочки-первоклассницы; они бежали в укрытие, но взрывная волна настигла их. Легко ранены были ученица третьего класса и сторож Кузнецова. Первую помощь раненым оказывали в школе медсестра и учителя. Почти всю ночь перебирала и разбрасывала дрова по школьному двору одна из мам – искала свою дочку. Все рамы со стеклами шестого этажа южной стороны были испорчены. Обстрел продолжался до 20.30, после чего 16 учеников из бомбоубежища были разведены по домам. До поздней ночи нянюшки, учителя и старшеклассницы приводили школу в порядок, готовили ее к занятиям следующего дня. Из записок директора школы В.Ф.Любовой: *“Мне казалось, что все кончено, ребята больше не придут в нашу школу. Но я ошибалась. На другой день, в девять утра все школьницы были на месте”*.

Мария Андреевна Комлякова вспоминала, что обстрел района, как правило, начинался в 15 часов. *“Мы к этому времени обычно убегали на Удельную, там был вокзал, где мы читали, занимались уроками”*. К моменту обстрела 18 октября 1943 года М.А.Комлякова и ее подруги успели уйти.

НЕ ПОДДАВАТЬСЯ УНЫНИЮ!

В то трудное время ученикам и учителям было тяжело, но они старались не поддаваться унынию: ходили в театр, в кино, устраивали вечера; шутили, чтобы заглушить тревогу, боль в душе.

В журнале ответственного дежурного 2 мая 1943 года сделаны следующие записи:

“Дежурство приняла в 14 часов. В течение дня состоялись мероприятия:

1. Соревнования в беге на 100 и 500 метров.

2. Пионерская линейка. По окончании линейки – выступление хора и небольшая художественная праздничная постановка “1 мая”.

Дежурство приняли в 20 часов. В школе в указанное время продолжался вечер учащихся 6–10 классов. Вечер закончился в 22 часа”.

Ученицы ходили в кино. Во время блокады работал единственный кинотеатр – “Аврора” на Невском проспекте. Они ходили туда пешком, транспорта не было. Одна из учениц блокадных лет Л.Ф.Седякина (Павлова) вспоминает: *“С Вале́й Герасимович или из кино пешком через Литейный мост. Началась бомбежка, мы побежали бегом к Финляндскому вокзалу, так как при артиллерийском обстреле поезда уходили сразу, без расписания. Но в силу молодости страха не было. Мы уже знали: снаряд провисител, значит, он уже не разорвется”.*

Как все дети, ученицы нередко баловались. Л.Ф.Седякина рассказывает: *“В ноябре 1943 года пришли из кино, смотрели “Два бойца”. Начался страшный обстрел. Мы прятались в коридоре школы. Шалили. Однажды с Леной Романовой сотворили шутку над Машей (М.А.Комляковой): налили ей под одеяло воды. Она очень рассердилась”.*

Ученицы всех классов были очень дружны между собой, не было зависти. Любили читать, книги играли огромную роль в жизни учениц. *“С нами училась сестра маршала Воронова. Мы с ней очень сдружились на почве книг. У них дома была огромная библиотека, брат привозил книги из заграницы. Даже было французское издание воспоминаний Шалапина”*, – рассказывала Л.Ф.Седякина (Павлова). В помещении школьной библиотеки полки книг располагались до потолка, все дореволюционные издания. Такие, как приложения к журналу “Нива” – сочинения всех классиков, два тома “Истории искусств” Бенуа, были только для читального зала. Читальный зал был большой; по вечерам за круглым столом ученицы читали, писали сочинения. Л.Ф.Седякина рассказала, что, будучи методистом в 120-й школе на Ланском шоссе, приходила в 1975 году в библиотеку 105-й школы (нынешнее здание) с проверкой и ужаснулась: от прекрасной библиотеки не осталось ничего. Сказали, что книги потерялись при переезде.

Ходили в театр Музкомедии, который работал всю войну в полном составе. В зале было холодно, поэтому сидели в верхней одежде, не раздеваясь. Организатором походов в театр была ученица Нина Семенова, она покупала билеты. Также любили ходить в Выборгский ДК на джаз-оркестр Балтийского флота под управлением И.Минха, солистами которого были Хачинский и Нестерова.

Первого января 1944 года в школе была организована елка для учащихся 7–10 классов. Присутствовала инспектор РОНО тов. Бодалева; приезжали шефы из воинской части, расположенной в поселке Щеглово; было 7 человек из подшефного госпиталя, секретарь комсомола. Большинство учениц пришли в очень интересных и разнообразных костюмах. После танцев и концерта самодеятельности выделенное жюри премировало за костюмы 7 человек. Среди них были Мария Комлякова и Елена Романова. У Комляковой был костюм Черкеса, а у Романовой – костюм Черкешенки; они получили призы – билеты на елку во Дворец пионеров. Концерт прошел живо и интересно, учащиеся и гости с увлечением играли и веселились до 21 часа 30 минут.

В 1944 году каникулы сократили, и в школе занятия начались 7 января. 7 января 1944 года в школе было холодно, неудобно, дрова не были заготовлены, а в городе в кино шла картина “Девушка моей мечты”. Антонина Уткина (Журина) вспоминала, что кто-то предложил пойти в кино, и все дружно ушли. “Весело нам было, посмотрели кино, вернулись в школу на обед. Нам сказали, что нас ждет Валентина Федоровна”. Учениц вызывали по одному. Им было сказано подавать заявление об уходе из школы, так как “такие ученицы-комсомолки школе не нужны”. Затем всех вызывали в райком комсомола, где тоже была беседа и сказали, что “...свое позорное пятно можно снять хорошей работой”. После сдачи экзаменов в школе эти ученицы работали вожатыми в пионерском лагере “Шувалово”, а потом уже сдавали экзамены в вузы.

Зимой 1944 года были лыжные соревнования в Озерках. Ученица М.А.Комлякова вспоминает, что была запасной и заняла третье место, хотя правый глаз плохо видел и стрелять было трудно.

В 1944 году было всего 141 человек выпускников на весь город. Выпускной вечер проходил в школе, в качестве угощения привезли мешок арахиса. Потом ученицам выдали персональные

пригласительные билеты во Дворец пионеров. Последний экзамен был по химии 10 июня. Каникулы в 1944 году были с 22 июня.

*10 "А" класс. Урок телеграфии
(1944)*

*Вручение аттестатов зрелости
(1944)*

Полностью с этими и другими материалами по истории нашей гимназии вы можете познакомиться в нашем школьном музее.